

Муниципальное учреждение
Централизованная библиотечная система им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Петр БУРМИН

ДЕТИ ШУТА

**Письма старшего брата младшему,
живущему за кордоном**

Новокузнецк
2010

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Б 91

Бурмин, Петр Сергеевич

Дети шута : Письма старшего брата младшему, живущему за кордоном / Бурмин Петр ; ответственный за выпуск – Калашников Н. Н. ; Муниципальное учреждение Централизованная библиотечная система им. Н. В. Гоголя ; Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2010 . – 52 с. : ил.

©Бурмин П. С., 2010
©Рисунок на обложке Марины Колотвиной

Бурмин П. «Автопортрет»

Коротко о себе

Родился я в 1933 году в Алтайском крае.

Два года спустя приехал в Новокузнецк (Сталинск), разумеется, вместе с родителями, которые завербовались на строительство Кузнецкого металлургического комбината.

Я тоже начинал свой трудовой стаж на КМК – сначала электроремонтном цехе, затем в цехе ремонтно-строительных деталей.

На пенсию вышел из строительной фирмы, где работал художником-оформителем.

В шестидесятых годах в газете «Комсомолец Кузбасса» было опубликовано с десяток-другой моих стихотворений, приуроченных к полетам человека в космос.

К тому же времени относятся и мои первые опыты в фантастике.

1

Ты сетуешь в письме своем последнем,
что твой родитель – королевский шут,
что, к сожаленью, ты его наследник –
и ничего нельзя поправить тут.

Мне неприятно слышать этот ропот.
Реформы, чьи плоды уже видны,
внушил престолу языком Эзопа
родитель твой; и сделал для страны

он больше, чем министры кабинета.
Во имя твоей будущности светлой
он потешает баснями Дворец.

Сегодня мы сказать с тобою вправе,
что не король державой нашей правит,
а шут его и мудрый твой отец.

Оставив дома верную синицу,
ты в край чужой ушел за журавлем:
ищи не за кордоном эту птицу,
а у себя, в отечестве своем.

Ты там застрял, разнежившись на зное,
как некогда покорный твой слуга...
Поверь, мой брат, под солнцем и луною
теплее нет родного очага.

Ты далеко теперь уж не невежда,
окончивший колледж и два колледжа,
к тому же музой приобщен к перу.

Иль одолеть там хочешь все науки
и приложить к ремеслам многим руки,
подобно императору Петру?

То, что сокрыто было от Сократа,
в свою трубу увидел Галилей...
Ты не гляди на мир глазами брата,
хотя он вдвое старше и мудрей.

Ты не Луцилий, я не твой Сенека –
не может быть всеобщим идеал:
ведь каждый видит через призму века,
которую он сам отшлифовал.

Ты вырос в кедра, судя по приметам;
спеши взрастить плоды на древе этом,
покуда полон силы и страстей.

Словно потоки горные, столь быстро
года текут, гася – за искрой искру –
огонь, что подарил нам Прометей.

Счастливей нас был пращур наш беспечный,
о времени не знавший ничего;
он здравствовал не менее, чем вечность,
хотя бы с точки зрения его.

Его потомки этой же породы;
начав эксперименты издали,
исчислили мы дни, часы и годы
движением светила и Земли.

Идут неумолимо шагом мелким
направо слева часовые стрелки –
созданье позабытого творца.

С тех пор нас знаний тягостное бремя
и артефакт, что измеряет время,
пугают неизбежностью конца.

Мой брат, являясь главным в нашем мире
назвал ты жизнь и все, что от нее...
Неверно. Отвори глаза пошире:
есть кое-что важней, чем бытие.

Пока ты где-то на незваном пире
ел хлеб и дегустировал питье,
вместо того, чтоб помнить о Кумире,
твои нейроны впали в забвенье.

Прости, что я прибегнул к укоризне.
Кумир ты вспомнишь, позабыв о жизни,
когда столкнешься с недругом в бою.

Дотоль, покуда Солнце не остынет,
читать будем Триединую святыню –
родную Мать, Отчизну и Семью.

Бог существует, нет ли – мы с тобою
не ворошим, где истина, где ложь;
попы нас учат, что его любовью
пронизан ты, коль праведно живешь.

У Бога и людей одни дороги.
Молитвами твоими живы Боги,
крестом творимым с помощью перста.

Но если ты забыл святое Слово,
то посылаешь на Голгофу снова
его, многострадального Христа.

Нам вера в Бога обещает вечность –
готовы мы поверить чудесам...
Оставим человеку человечье
и – непременно – богово Богам.

Ты спрашиваешь, брат, о нашей маме –
отцова это иль ее вина,
что не живет она сегодня с нами,
что с ней, жива ли вообще она?

Я знал ее красавицей отменной,
святой и чистой, словно божество.
Служила на подмостках Мельпомены...
Ее после рожденья твоего

скрутила хворь, что безобразит лица...
Поправилась и тайно из больницы
она ушла, минуя наш порог.

Мы с папой далеки от осужденья
ее поступка и ее решенья:
ей не судья ни человек, ни Бог.

Ты спрашиваешь: – Как живет наш песик,
что вежливости нами был учен –
все так же ласки и добавки просит,
и нет отказа баловню ни в чем?

Прости, что огорчу печальной вестью...
Срок бытия у меньших братьев мал:
скончался песик. На укромном месте
я справил похоронный ритуал.

В его кормушке оставляю кости;
находят их непрошенные гости,
чтоб помянуть за упокой его.

Ты славный парень, если друга помнишь,
хоть этот друг четвероногий – помесь
дворяжки и бог весть еще кого...

Из ничто куда-то в никуда
движутся песчинка и звезда;
осевые силы гонят прочь их,
приливные разрывают в клочья.

Люди, словно малые планеты,
движимы началом неких сил
и, охочи до тепла и света,
вертятся вокруг своих светил.

Взять, к примеру, нас хотя бы с милой:
врозь мы умираем от тоски,
а сойдемся – приливные силы
нас взорвать готовы на куски.

Все мы – от квазара до протона –
существуем по одним законам.

Однажды утром, что мудрей, чем вечер,
взял папа во Дворец тебя с собой –
тогда и состоялась твоя встреча
с твоей непредсказуемой судьбой.

Была принцесса лет пяти от роду;
в толпе заморских принцев и фрейлин
ты был замечен – было ей угодно
дружить с тобой, неважно, чей ты сын.

Мать-королева девочку ругала,
что предпочла простого мальчугана,
страшала, словно букой, королем.

Но нрав принцессы юной не был скован
дворцовым непреложным протоколом –
малышка настояла на своем.

Хоть много лет ты прожил за границей,
по фото судя – тот же все лицом:
по-прежнему ты выглядишь девицей
прекрасной, но отнюдь не молодцом.

Случись с принцессой вас увидеть рядом,
гадать придется, где она, где ты...
Вас можно различить лишь по нарядам,
коль оба не нарядитесь в порты.

Уж отпустил бы, что ли, для почина
ты бороду, чтоб выглядеть мужчиной:
хоть эдак бы помог своей беде.

Не мог додуматься до этого ты сам уж –
отдать свою девичью внешность замуж
за тот же облик, скрытый в бороде.

Женат я на графине, приближенной
к монаршей (как – не ведаю) семье;
с тех самых пор, как взял девицу в жены,
живем в ее наследственном селе.

Любовь... к цветам столкнула носом к носу
нас с нею. Холим и растим цветы,
но не обычные, а медоносы,
которые нектаром налиты.

Цветущие растения бы погибли
без бражников, похожих на колибри,
без нас с графиней – и наоборот.

Выходит, образуют медоносы,
селяне, пчелы, бабочки и осы
природный основной круговорот.

Весна – красна. Посвящены ей оды.
Но я восславить лето предпочел,
поскольку только в это время года
работа настоящая у пчел.

Еще горят огни на росах зябких,
еще алеет на небе заря,
но пчелы уж отправились за взяткой
вращенного в бутонах янтаря.

Меж трав цветущих и уютных ульев
они шныряют, как шальные пули,
устраивая благозвучный хор.

Мне, братец, лучшей музыки не надо,
чем эта полевая канонада,
что услаждает слух мой, вкус и взор.

Ты рад научным достижениям нашим,
о коих в «Новом вестнике» прочел...
Да, мы не только по-старинке пашем,
пасем на медоносах своих пчел.

Еще похвастать можем урожаем,
что вырастил гуманитарный цех...
Но ты лукавишь, брат, изображая
лицо, кому приятен наш успех.

Иначе – ты бы не жил за границей
и не гонялся бы за синей птицей,
увиденной в мечтах или во сне.

Не может гражданин быть патриотом,
который своим разумом и потом
не создает богатств родной стране.

Стать хочешь журналистом? Можешь быть им,
коль честь и совесть в спутники возьмешь,
правдиво будешь трактовать события,
сенсации рассматривать как ложь.

Но забывать не следует и то нам,
что у тобою избранной тропы,
помимо ароматов и бутонов,
как и у роз, имеются шипы.

Прочел твою статью я в «Ювенале» –
серьезном респектабельном журнале.
Все правильно. Успех не торопи.

Труд, вдохновенье и воображенье –
ты доказал статьей, что это звенья
одной и той же творческой цепи.

Ты говоришь, за формой необычной
увидел свой желанный идеал,
но оказался легкою добычей
злословья и насмешливых похвал.

Будь терпелив, ища свою дорогу, –
в труде упорном ты ее найдешь.
Затем к тебе привыкнут понемногу,
и будешь ты в любые двери вхож.

Оцененный глубинкой и столицей,
Ты станешь лавры пожинать сторицей.
Окинув взором свой вчерашний путь,

который был по силам лишь атланту,
скажи спасибо своему таланту,
благословить удачу не забудь.

Ты слышал новость? Некая Вестая
из федеральной (странный инцидент)
державой монархическою стала;
царем ее – вчерашний президент.

Засватал царь (как мир однако тесен!)
твою подругу; не ее вина,
что согласилась, – не могла принцесса
сватов дождаться сына горбуна.

Выходит, что души твоей царица
забыла о тебе там, за границей,
хотя о том, что любит, не лгала...

Утешься, брат, гони взашей печали:
принцесса с церемонии венчальной
сбежала, закусивши удила.

Теперь, мой брат, не ставшую царицей
принцессу королевская чета,
вполне возможно, может согласиться
отдать в супруги отпрыску шута.

Воспользуйся судьбы своей услугой;
недаром, благосклонностью даря
и бдительно храня вас друг для друга,
она с дороги убрала царя...

Зря гонишься за голубою кровью.
Женился бы на ровне по сословью
и счастлив был – не хуже королей.

Того не знают глупые мужчины,
что женщины, как горные вершины –
чем выше, тем сердца их холодней.

Здоров ли я? – спросил меня в начале
ты своего короткого письма.
Да вроде за собой не замечаю
симптомов грозных, не схожу с ума.

Хотя, как знать... Испытываю странный
порой психологический недуг:
я всякий раз страдаю, как от раны,
когда увижу выкошенный луг.

Я чувствую себя среди растений,
как среди существ, мне близких по рождению;
стеблями примелькавшейся травы

я восхищен, как редкою новинкой.
Неужто я когда-то был былинкой
с бутоном розы вместо головы?

Не мало есть людей на свете белом,
которые впопад и невпопад
ругают всех за дело и без дела.
И ты туда же, мой ученый брат?

Чтоб объяснить все, что необъяснимо,
мыслители и встарь, и в наши дни
на суд «ареопага» выносили
посылки казуистике сродни.

Однако ты не убоявшись фальши,
идешь заумных казуистов дальше
в своей философической борьбе.

Дав множество очков иному греку,
заходишь ты в одну и ту же реку
не раз, а сколько надобно тебе.

Ты заявленье, не спросив совета,
подал в Международный легион,
где с помощью посулов и обетов
слетелись палачи со всех сторон.

Мол, отмахав свой срок с оружием ржавым,
получишь орден, два десятка крон
и подданство излюбленной державы,
где будешь проживать свой пенсион.

Ах, братец мой, доверчивый не в меру,
попал ты в заурядную аферу,
как юный лис в расставленную сеть.

Наплюй ты на обещанные льготы –
оставь в покое русичей и готов,
сам тоже постарайся уцелеть.

Я вспомнил случай... В зале тронном слева
от короля сидела королева.

Близ первой дамы в образе мяча
развился шут; вдруг на нее, скача,

свалился он, застежки ей на платье
горбом сорвал (что не входило в роль)
и оказался у нее в объятьях –
и свет увидел то, что лишь король

при ночнике на ложе зрит глазами.

С минуту тишина стояла в зале.

Затем расхохотались все до слез.

Из-за того, что выполнен нечисто
был трюк, схватил отца сердечный приступ,
что чуть его в могилу не унес.

Мы часто слышим о планете Марсе,
где до сих пор не вспаханы поля;
она немного меньшая по массе
и более бесплодна, чем Земля.

Мечтаю я засеять медоносом
ее и с той, и этой стороны,
пчел мирных завести под самым носом
оранжевого символа войны.

Быть может, улыбнется мне удача,
и встречу там, на марсианской даче
я марсиан, что в мире жить хотят;

я угостил бы медом их на славу...
хотя, как знать, что больше им по нраву –
пчелиный мед или осиный яд?

На неизвестной для самой основе
моя графиня сделала прибор
и без необходимых предисловий
взялась за беспчелиный медосбор.

Машиною, похожею на драгу,
высасывала из цветов нектар,
из коего избыточную влагу
на подогреве превращала в пар...

Я, погрузив в телегу сотню крынок,
за барышом отправился на рынок.
Но за продукт, полученный без пчел,

меня огромным штрафом власти взгрели:
я понял с опозданием, что гений
моей супруги что-то не учел.

На рынок идя как-то раз в надежде
излишек меда гражданам продать,
я повстречался с женщиной в одежде,
похожей, что носила наша мать.

Взглянув в лицо, я чуть инфаркт не нажил;
все в нем о маме говорило – за:
овал, румянец и улыбка та же...
И только были не ее глаза...

Да, я ошибся, братец мой любезный:
была такую мама до болезни...
Но ведь минули столькие года...

Меж нами двойники – как обелиски;
их видя, вспоминаем мы о близких,
которых потеряли навсегда.

Король-то наш... он отдал богу душу.
Врач заявил: – Не мог объесться он;
вечер он только ножку птичью скушал,
испил нектара на грядущий сон...

Отца дворецкий выставил за двери:
мол, с шутками несовместима скорбь.
И тут – я, брат, глазам едва поверил –
отец впервые выпрямил свой горб!

Выходит, чтобы сказками Эзопа
смягчилась своенравная Европа,
ходил всю жизнь он с накладным горбом.

Он новому монарху не угоден.
Зато свободен. Не совсем свободен:
остался он идей своих рабом.

Престол был занят принцем малолетним,
династию начавшим от нуля,
поскольку вышел он из женской ветви
обширного семейства короля.

Сын короля, прямой наследник трона,
поверив басням нашего отца,
отвергнув королевскую корону,
покинул стены отчего Дворца.

Добряк, который не обидит муху,
свободолюб по сути и по духу
и внешностью далеко не урод,

он подтянул ремень на брюках туже
и начал жить не лучше и не хуже,
чем бывший его подданный народ.

Уже в капралах? Тут тебе и крышка,
коль радуешься тем, что при чинах;
ведь некогда надменный коротышка
падение с капрала начинал.

Маршировал в Россию недомерок,
но дальше Ватерлоо не ушел:
провал завоевательской аферы
заранее, в начале предрешен.

Иди к центуриону, лучше сразу в Ставку
и вымоли не мешкая отставку –
тем самым шкуру ты спасешь свою.

И душу заодно не сделаешь калекой:
в себе ты убиваешь человека,
стреляя по противникам в бою.

Признайся, в легион попал ты по ошибке?
Живя на полуострове Балкан
во времена кампании на Шипке,
ты оказался бы среди осман –

в рядах врагов свободного народа.
Свободного и, значит, твоего;
заблудший человек такого рода
злу служит, сам не ведая того.

Хвала и честь защитнику в мундире,
что постоянно думает о мире;
в его руках грядущее твое.

Да, я военных только тех приемлю,
кто грудь защищает свою землю
в тяжелую годину для нее.

Ты пишешь, брат, что не продлили визу,
и денег нет – хоть по миру с сумой...
Не сокрушайся. Это же твой вызов
из странствий затянувшихся домой.

Да, да, зовет домой тебя принцесса,
что, несомненно, делает любя;
хватило ж ей практического веса
из легиона вытащить тебя.

Но ты к любимой не спешишь навстречу –
тем собственному мнению перечишь,
что для тебя ее желанней нет.

А ты подумал, парень, на досуге
о том фатальном, – может, друг на друге
для вас сошелся клином белый свет?

Стол у синиц разнообразен кормом
весеннею и летнею порой,
пока себя личинки насекомых
не прячут под древесною корой.

Зимою птицы чаще на диете,
что состоит из ягод и семян
и из того, что принесут им дети
сочувствующих живности селян.

Я засеваю рядом с медоносом
полоску ячменем, овсом и просом,
веду все лето с сорняками бой.

И тем, что на земле моей родится,
в бескормицу подкармливаю птицу,
храня обычай, начатый тобой.

Я, многих стихотворных книжек автор,
которые читает белый свет,
пошел бы непременно в космонавты,
будь помоложе на десяток лет.

Сойдя с земной заезженной орбиты,
при помощи стального корабля
устроил богоборческую битву
с пространством и со временем бы я.

Я посетил бы жителей Денеба,
где из землян никто доселе не был;
им передал привет сердечный наш.

И заключил бы с ними пару сделок...
Обычай друг за другом из «тарелок»
подглядывать похож на шпионаж.

Ты спрашиваешь: – Как там шут в опале? –
в виду имея нашего отца.
Все хорошо. Мы духом не упали,
когда нас попросили из Дворца.

Я по базарам бегаю галопом,
товар свой предлагая. А старик...
Он переводит с языка Эзопа
свои побаски на родной язык.

Свой труд он именует «Мемуаром»;
и пишет он его отнюдь не даром:
один вполне читаемый журнал

издаст его за гонорар солидный,
другой за то, что он не будет издан,
сулит отцу солидный капитал.

Закончен «Мемуар», давно начатый
и, несомненно, взрывчатый, как тол;
что делать с ним – в архив или печатать?
Печатать! Вновь отец засел за стол.

Пускай его читает вся Европа.
Народ не глуп – все правильно поймет.
Но прежде снова на язык Эзопа
он детище свое переведет.

Он принял Соломоново решение:
раз все сидим мы у него на шее,
не дешево продал он свой товар,

хоть сам на деньгах вовсе не помешан.
Так он свое тщеславие утешил
и получил два раза гонорар.

Я понял из каракулей знакомых
и горьких слов с упреком в адрес мой
то, что себя без весточки из дома
почувствовал ты круглым сиротой.

Прости, что запоздали мои строки:
замешкался с ответом оттого,
что занят был, увлекшись перестройкой
забытого жилища твоего.

Когда тебе, мой брат, в заморском стане
тоска по дому нестерпимой станет,
понадобится этот скромный кров.

Да, у меня работы было много –
наверняка не меньше, чем у Бога
во времена творения миров.

Ты говоришь, у развитой особы
чувств более, чем всем известных пять;
и, дескать, потому она способна
умом все необъятное объять –

от гравитона до звезды усталой,
что именуем «Черною дырой»
(сия звезда вращаться перестала –
исчез баланс меж силой осевой

и силой притяжения); от клетки
до разума холодного кокетки,
что ничему подлунному не чужд..

Итак, считаешь ты духовно нищим
любого, интеллект чей ограничен
лишь рамками пяти первичных чувств?

Мы иногда с тобой ходили в горы,
где более всего обнажена
краса земная; восхищая взоры,
нас зазывала издали она.

Однажды, души наши осчастливив,
природа душем окатила нас;
ты насморком отделался от ливня,
я заболел, увы, в недобрый час.

В ознобе пролежал я три недели:
все это время у моей постели
ты просидел, лекарствами поя.

Когда бы близких выбирали люди,
чтоб с ними быть и в праздники, и в будни,
мой брат, тебя бы снова выбрал я.

С недавних пор у нас в семье пернатых
(десяток кур и птичий ловелас –
петух надменный, словно император)
залетная голубка прижилась.

В ней что-то есть от сизаря немножко
и турмана (стремительный полет);
пучками перьев, что растут на ножках,
как шлейфом, идя, по земле метет...

По-прежнему, мой братец, за границей
ты ищешь встречу с вожденной птицей,
дрейфуя без ветрил и без руля?

Быть может, наша милая голубка,
достоинейшая призового кубка,
тебя устроит вместо журавля?

Птенца увещевала мать-сорока:
мол, ждет непоправимая беда
его – не дай бог – ежели до срока
он вылетит из отчего гнезда.

Но сорочонок маму не послушал;
расправив перья неокрепших крыл,
покинул дом свой он на старой груше,
назад вернуться не хватило сил...

Мы до поры, мой братец, славно жили,
покуда не отбыл в края чужие
ты в качестве незваного посла.

Будь с нами мама, сладила б с бедою –
тебя б не отпустила из гнездовья,
тем самым бы для нации спасла.

Общеизвестно, что из тьмы и света,
из зерен полновесных и трухи
рождаются из-под пера поэта
плохие и хорошие стихи.

Написанные под изящным грифом
на бланках неиспользованных виз
слова, кой-как оправленные в рифмы,
ты предложил мне, братец, как сюрприз;

в них бьешь порок мечом и булавою,
преобразив себя в богатыря...
Стихи, хотя и выглядят убойно,
но плохи, откровенно говоря.

Еще один добавил ненароком
ты к сумме существующих пороков.

Влезает на Парнас мы по крутому склону,
в семье богов мечтая стать слугой...
Одна из муз к тебе, брат, благосклонна,
не следует заигрывать с другой.

Ревнивы, как все женщины, богини.
Не ссорь между собой парнасских дев
бездарным флиртом и с Полигимнией;
не ровен час, ты навлечешь их гнев.

Вместо того, чтоб речи при свидании
с Уранией вести о Мироздании,
стихи кропаешь на свою беду.

Оставь терцеты, ямбы и октавы:
они тебе ни денег и ни славы
не принесут – ты с ними не в ладу.

Готов, любезный брат мой, примириться
я с Одиссеем, что живет в тебе,
с твоей неуловимой синей птицей,
изображенной на твоём гербе.

Надеюсь, что твой опыт пригодится
в дипломатии для родной страны,
и, постоянно сидя за границей,
ты станешь с пользой протирать штаны.

Но не ищи чинов на поле брани,
ведь ты миролюбивых муз избранник;
им и себе будь верен до конца.

Забудь про развлечения и отдых:
труд из примата человека создал,
из человека – мудрого творца.

Дошел ты, чует твой слуга покорный,
до стадии обглоданных костей,
которыми на хлебосолье кормят
излишне загостившихся гостей.

Пришла пора, мой братец, без оглядки
ретироваться от чужих ворот;
наш хлеб не столь изысканный и сладкий,
зато никто тебе не смотрит в рот.

Гостей незваных не любили сроду.
Но звали в гости тех, кто возит воду,
в виду имею лошадь и вола.

Еще бытует истина в народе:
хорош тот гость, который редко ходит, –
такому гостю слава и хвала.

Нам с папой светит, кажется, удача –
вновь приглашают в царские шатры.
Родитель наш советником назначен,
а я премьером... в играх... до поры.

Еще свободно место президента.
Довольно, брат, наплюй на миражи:
не упusti счастливого момента –
свою кандидатуру предложи.

Все меньше покушаясь на свободу,
все больше власти отдает народу
помазанный на царствие юнец.

Недаром за гражданские идеи
в эзоповых личинах лицедея
боролись оба – мама и отец.

Ты сетуешь, что обманулся в друге,
который делал вид, что он джентльмен;
ты с ним делил надежды и досуги,
он ничего не дал тебе взамен.

Ты с ним расстался. Есть под небосводом
подобные обманщики-цветы:
прекрасны с виду, круто пахнут медом,
однако их нектарники пусты.

Растут меж медоносов на поляне;
их по ошибке пчелы опыляют
с растеньями другими наравне.

Друг настоящий не уступит брату:
твой друг им не был, – стало быть, утрату
ты выдумал, поверь на слово мне.

Звонарь с утра отнюдь не по капризу
устроил колокольный перезвон;
поп, облачившись в золотую ризу,
торжественно поднялся на амвон...

Храм нынче отдан молодым адептам;
перед ликами святыми и людьми
в нем прозвучат суровые обеты
непреходящей веры и любви.

Звонарь звонит. Веселых и счастливых
могучих женихов и гибких, словно ивы,
смеющихся и радостных невест

из полисов, селений и усадеб
на совершенье христианских свадеб
зовет к венцу воскресный благовест.

У человека радостей немного –
и все они, мой брат, наперечет;
одна из них, конечно же, дорога,
которая домой тебя ведет.

Ты эту радость испытаешь скоро
(спеши, а то, увы, в недобрый час,
в час горести, раскаянья и скорби,
ты не найдешь кого-нибудь из нас).

Другую радость делит с нами пресса,
живя с утра помолвкой принцессы:
вас с ней на брак благословил король.

А третья радость – самая из самых:
мы получили весточку от мамы;
она к нам в город едет на гастроль!

2004 – 2005

Оглавление

«Ты сетуешь в письме своем последнем...»	4
«Оставив дома верную синицу...»	5
«То, что сокрыто было от Сократа...»	6
«Счастливей нас был пращур наш беспечный...»	7
«Мой брат, явлением главным в нашем мире...»	8
«Бог существует, нет ли – мы с тобою...»	9
«Ты спрашиваешь, брат, о нашей маме...»	10
«Ты спрашиваешь: – Как живет наш песик...»	11
«Из ничто куда-то в никуда...»	12
«Однажды утром, что мудрей, чем вечер...»	13
«Хоть много лет ты прожил за границей...»	14
«Женат я на графине, приближенной...»	15
«Весна – красна. Посвящены ей оды...»	16
«Ты рад научным достижениям нашим...»	17
«Стать хочешь журналистом? Можешь быть им...»	18
«Ты говоришь, за формой необычной...»	19
«Ты слышал новость? Некая Вестая...»	20
«Теперь, мой брат, не ставшую царицей...»	21
«Здоров ли я? – спросил меня в начале...»	22
«Не мало есть людей на свете белом...»	23
«Ты заявленье, не спросив совета...»	24
«Я вспомнил случай... В зале тронном слева...»	25
«Мы часто слышим о планете Марсе...»	26
«На неизвестной для самой основе...»	27
«На рынок идя как-то раз в надежде...»	28
«Король-то наш... он отдал богу душу...»	29
«Престол был занят принцем малолетним...»	30
«Уже в капралах? Тут тебе и крышка...»	31
«Признайся, в легион попал ты по ошибке?...»	32
«Ты пишешь, брат, что не продлили визу...»	33
«Стол у синиц разнообразен кормом...»	34
«Я, многих стихотворных книжек автор...»	35
«Ты спрашиваешь: – Как там шут в опале?...»	36
«Закончен «Мемуар», давно начатый...»	37
«Я понял из каракулей знакомых...»	38
«Ты говоришь, у развитой особы...»	39
«Мы иногда с тобой ходили в горы...»	40
«С недавних пор у нас в семье пернатых...»	41
«Птенца увещевала мать-сорока...»	42
«Общеизвестно, что из тьмы и света...»	43
«Влезаем на Парнас мы по крутому склону...»	44
«Готов, любезный брат мой, примириться...»	45
«Дошел ты, чуёт твой слуга покорный...»	46
«Нам с папой светит, кажется, удача...»	47
«Ты сетуешь, что обманулся в друге...»	48
«Звонарь с утра отнюдь не по капризу...»	49
«У человека радостей немного...»	50

Тираж 50 экз.